

же рассказамъ видно, что такая работа болѣе необходима, чѣмъ какое бы то ни было другое дѣло!

— Вотъ это-то и невѣрно! — возразилъ Акимъ Григорьевичъ, — съ массой вы ничего не сдѣлаете. Масса всегда такой и будетъ, пока вы для нея новыхъ условий жизни не создадите. И за то, что мы на волѣ дѣлали, за слова эти гибнуть — все равно, что самими въ петлю лѣзть. Ни смысла тутъ нѣтъ, ни пользы. Не то дѣлать надо... Не людей усыплять да обманывать, а напротивъ того...

Старикъ замолчалъ.

— Что же вы дѣлать будете, когда на волю выйдете? — спросилъ я.

— Я-то самъ, можетъ быть, ничего уже сказать не смогу. Старъ я. Тюрьма послѣднія силы взяла. Да и выйду ли я отсюда, еще неизвѣстно. Можетъ быть, меня раньше ногами впередъ подъ ворота вынесутъ. А молодые, кто уцѣлѣетъ, будутъ уже знать, что дѣлать. Не станутъ нашихъ ошибокъ повторять. Не будутъ массы ждать...

Я взглянулъ вопросительно на Сеню, ожидая, что онъ разъяснитъ мнѣ, наконецъ, положительную программу дѣйствій, выработанную ими.

— Если придется намъ еще бороться, — отвѣчалъ на мой взглядъ Сения, — мы, главное, все сами будемъ дѣлать. Нечего намъ ждать массы и нечего на массу силы тратить. Эта агитація да организація, когда не знаешь, кого агитируешь и кого въ организацію принимаешь, — не нужны они совсѣмъ. А набралось насъ въ городѣ, скажемъ, хоть — 10—12 человѣкъ, на все готовыхъ, мы уже многое можемъ сдѣлать...

— Напримѣръ?

— Можемъ отомстить! Можемъ такъ сдѣлать, что другимъ неповадно будетъ... И если въ одномъ, въ дру-

гомъ, въ третьемъ городѣ, — по всей странѣ такая чистка пойдетъ, правительство живо догадается, что для нихъ же выгоднѣе дать свободу. Ради собственной своей шкуры на уступки пойдутъ. И ни забастовокъ, ни возстаній никакихъ не надо будетъ.

Долго развивалъ Сения свои планы. Красной нитью проходило въ нихъ недовѣріе къ массѣ и къ массовой культурной работѣ, съ одной стороны, а съ другой стороны — вѣра въ силы небольшой сплоченной кучки революціонеровъ-боевиковъ. Только въ дѣйствія смѣлыхъ одиночекъ въ борьбѣ съ правительствомъ вѣрили Сения и Акимъ Григорьевичъ. И напрасно пытался я доказать имъ всю шаткость такой вѣры: ни малѣйшаго дѣйствія не оказывали ни мои доводы, ни приводимые мною историческіе примѣры. Имъ казалось, что я, какъ с.-д., возражаю имъ, такъ какъ ихъ боевая тактика отличается чрезвычайъ революціоннымъ характеромъ и противорѣчитъ исконной склонности всѣхъ с.-д. къ тихой и мирной массовой работѣ. Они были въ полной увѣренности, что ихъ разочарованіе въ рабочемъ движеніи отодвинуло ихъ отъ с.-демократіи влѣво. И хотя въ глубинѣ души они жалѣли о цѣлостности утраченной старой вѣры, все же ничто не заставило бы ихъ вернуться *направо* къ оставленнымъ позиціямъ...

Акимъ Григорьевичъ и Сения были не единственными представителями такихъ взглядовъ у насъ въ тюрьмѣ. Мнѣ пришлось встрѣчать еще довольно много «бывшихъ с.-д.», которые разсуждали точно такимъ же образомъ.

Съ разочарованіемъ въ массовомъ, рабочемъ движеніи идейная работа отодвигалась у нихъ на задній планъ. Главное значеніе въ ихъ глазахъ приобрѣла непосредственная борьба съ оружіемъ въ рукахъ, — всевозможные виды террора и «партизанскихъ нападеній». Сообразно съ этимъ «полѣвѣвшіе» с.-д. симпатизировали с.-р. за

ихъ боевыя дружины и террористическіе акты, симпатизировали и анархистамъ за ихъ блестящіе отстрѣлы, за экономическій терроръ и отчасти за экспроприации. Но окончательно не примыкали они ни къ с.-р., ни къ анархистамъ. Отъ с.-р. ихъ отталкивала народническая вѣра въ «трудовое крестьянство», — вѣра, которой они никакъ не могли принять. Отъ слиянія съ анархистами ихъ удерживало отрицательное отношеніе анархистовъ къ революціонно-демократическимъ политическимъ стремленіямъ, съ одной стороны, неопредѣленность русскаго анархизма и его внѣшняя безшабашность, — съ другой. Впрочемъ, не сливаясь ни съ с.-р., ни съ анархистами, оставаясь «безпартийными», «полѣвѣвшіе» с.-д. все же говорили объ этихъ революціонныхъ партіяхъ въ несравненно болѣе сочувственномъ тонѣ, чѣмъ о социаль-демократіи.

Въ общемъ же они производили впечатлѣніе растерянныхъ людей. Они какъ будто окончательно отrekli отъ своего прошлаго. Но, видно, прошлое не утратило своей власти надъ ними: и о прошломъ они вспоминали всегда съ какимъ-то увлеченіемъ, съ любовью, которая никакъ не вязалась съ ихъ убѣжденіемъ, что вся прошлая дѣятельность ихъ была обманомъ и самообманомъ.

«Полѣвѣвшихъ» с.-р. я встрѣчалъ въ тюрьмѣ меньше, чѣмъ «полѣвѣвшихъ» с.-д., но «полѣвѣніе», разрывъ съ прошлымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и признаки политическаго упадничества проявлялись у нихъ несравненно рѣзче и острѣе, чѣмъ у Акимъ Григорьевича или Сени.

Въ 7-й камерѣ наиболѣе типичнымъ представителемъ «полѣвѣвшихъ» с.-р. былъ молодой рабочій электротехникъ, Киселевъ. Онъ былъ невысокаго роста, крѣпкій и стройный, крайне живой, подвижной, съ моложавымъ

лицомъ и упрямымъ, твердымъ взглядомъ черныхъ глазъ. По его виду трудно было опредѣлить, интеллигентъ онъ или рабочій, сколько ему лѣтъ, и кто онъ по національности. Держался онъ въ камерѣ нѣсколько странно. Почти со всѣми былъ за панибрата, принималъ живѣйшее участіе во всѣхъ камерныхъ дѣлахъ, но явно избѣгалъ интеллигенціи и о политическихъ, о революціонерахъ говорилъ не иначе, какъ съ выраженіемъ насмѣшки.

Я обратилъ вниманіе на Киселева съ первыхъ же дней моего пребыванія въ 7-й камерѣ, но болѣе короткаго знакомства съ нимъ не искалъ. И только случайно мнѣ пришлось разговариваться съ нимъ и познакомиться съ его политическимъ credo.

Какъ-то во время довольно скучнаго камернаго собранія у меня вышло съ Киселевымъ небольшое столкновение. Не помню подробностей этого столкновения. Киселевъ задѣлъ кого-то изъ товарищей, я ему рѣзко отвѣтилъ. Онъ не остался въ долгу, и мы обмѣнялись довольно кислыми любезностями.

Вечеромъ того же дня я поздно засидѣлся надъ книгой. Въ камерѣ почти всѣ уже спали. За столомъ у лампы, кромѣ меня, остался только одинъ Киселевъ. Сидѣли мы такъ, что изъ двери надзиратель не могъ насъ видѣть, и потому ничто не мѣшало намъ заниматься. Киселевъ писалъ письмо. Я читалъ, пользуясь тѣмъ, что въ камерѣ было тихо, и ничто не развлекало моего вниманія.

Такъ прошло довольно много времени. Случайно оторвавшись отъ книги, я замѣтилъ, что Киселевъ пересталъ писать и сидитъ противъ меня за столомъ, подперевъ голову рукой и глубоко задумавшись. Лицо у него было теперь измученное, печальное. И не было замѣтно на немъ ни обычнаго для Киселева оживленія, ни выраженія вызывающаго задора. Меня поразила эта перемена

въ лицѣ товарища. И почему-то явилась мысль, что это его настоящее лицо, а то, другое, къ которому мы привыкли, — только маска. Мнѣ стало непріятно, что я такъ рѣзко говорилъ съ нимъ сегодня, и, обратившись къ нему, я сказалъ.

— Товарищъ Киселевъ, мы сегодня поругались немного. Такъ вотъ, я высказалъ тогда мнѣніе о вашихъ словахъ, но оскорбить васъ я не хотѣлъ.

Киселевъ посмотрѣлъ на меня въ упоръ и сказалъ просто и искренно:

— Я сегодня пересолил, можетъ быть. Но думаю, что вы на меня не обидѣлись. А на ваше замѣчаніе я не въ претензіи. Вы по-своему говорили, что вы думаете. Я — по-своему, какъ я понимаю. Вѣрно вѣдь?

— Вѣрно-то вѣрно, — замѣтилъ я. — Но въ тюрьмѣ больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, нужно съ самолюбіемъ товарищей считаться.

— Такъ васъ удивляетъ, что я съ самолюбіемъ господъ товарищей недостаточно считаюсь, а особенно съ самолюбіемъ товарищей — генераловъ отъ интеллигенціи?

Теперь въ голосѣ Киселева звучали обычныя вызывающе насмѣшливыя нотки. Но я сдѣлалъ видъ, будто не замѣчаю этого.

— Да, — подтвердилъ я, — мнѣ много разъ бросалось въ глаза, что вы къ товарищамъ какъ-то странно относитесь.

— Странно? А товарищи ко мнѣ, вы думаете, не странно относились? Генералы отъ интеллигенціи, вы думаете, съ самолюбіемъ нашего брата считались, или теперь считаются? Нѣтъ, товарищъ! Если бы вы съ мое вынесли да пережили, вы бы ко всѣмъ этимъ комитетчикамъ да генераламъ еще въ тысячу разъ хуже стали бы

относиться. Я черезъ нихъ, можетъ быть, веревку получу...

— Какъ такъ «черезъ нихъ»? Вѣдь вы, я слыхалъ, работали въ партіи... Вы с.-р.?

— Былъ с.-р.-омъ, — поправилъ меня Киселевъ.

— А теперь?

— Ушелъ изъ партіи.

— Куда ушли?

— Влѣво.

— Къ анархистамъ, что ли?

— Ни-н-ѣтъ... Я внѣ партій теперь.

— Но все же *влѣво* ушли?... Значитъ, революціонеры остались?

Киселевъ утвердительно кивнулъ головой.

— Когда выйдете изъ тюрьмы, намѣрены снова за революціонную работу приниматься?

— Да. Только ужъ ни съ какими партіями связываться не буду.

— Что такъ?

— Эхъ, товарищъ! Долго объ этомъ рассказывать... Вѣдь я къ этому не сразу пришелъ. Я объ этомъ долго и много думалъ. Но теперь окончательно рѣшилъ. Съ партіями ничего общаго никогда имѣть не буду. Партіи всѣ другъ друга стоятъ: одна грязь, одни подлости тамъ. Для меня теперь — что партія социаль-революціонеровъ, что Союзъ Русскаго Народа — все одно.

— Вы сами не знаете, что говорите, или на себя наговариваете, — замѣтилъ я. — Неужто союзники вамъ такъ же близки, какъ и революціонеры?

— Нѣтъ, я отлично знаю, что говорю, — упрямо возразилъ Киселевъ, — я не про революціонеровъ, а про партіи говорю. А съ партійными дѣлами я довольно познакомился. На всю жизнь хватить. И, кромѣ подлости, ничего, кажется, въ партіяхъ я не видалъ... Если

хотите, я вамъ одинъ только случай расскажу... Изъ-за этого дѣла я и партію-то къ чорту послалъ... Только рассказывать долго. Спать вамъ не хочется?

— Нѣтъ, я ночью всегда сижу. Расскажите, а я послушаю.

Закрывъ свою книгу, я приготовился слушать.

— Вы знаете, за что я арестованъ? — началъ Киселевъ.

— За какую-то партійную экспроприацію?

— Да. Экспроприація почты. Въ этомъ дѣлѣ насъ четверо участвовало: я, Сапожковъ, который со мной по дѣлу, Никитенко — его въ Одессѣ за покушеніе на пристава повѣсили, — и еще одинъ товарищъ — его при задержаніи убили. Дѣло намъ комитетъ далъ. Товарищъ представитель комитета на собраніи дружинниковъ сообщилъ, что имѣется въ виду такое-то дѣло, и предложилъ желающимъ принять въ немъ участіе. Человѣкъ восемь охотниковъ вызвалось. Изъ нихъ, въ концѣ-концовъ, насъ четверыхъ выбрали. Товарища, который убить теперь, — за главнаго руководителя; меня назначили, такъ какъ я въ дружинѣ лучшимъ стрѣлкомъ считался; Сапожкова да Никитенку намъ на подмогу. Дѣло у насъ какъ нельзя лучше прошло. Деньги мы сразу, безъ выстрѣла, взяли, такъ что стрѣлять только потомъ пришлось, когда погоня началась. Городового одного ранили и ушли въ полномъ порядкѣ. Однимъ словомъ, чисто сработали. Квартиры для насъ заранѣе были заготовлены въ двухъ мѣстахъ города. Я съ Сапожковымъ въ одну квартиру отступили, а тѣ два товарища — въ другую. Сумка съ деньгами у Сапожкова была подъ макинтошемъ. На квартирѣ мы, первымъ дѣломъ, деньги пересчитали. Оказалось 12.400 рублей съ небольшимъ. Сапожковъ мнѣ и говоритъ: «Ваня, бери-ка деньги и лети на комитетскую явку. А то сюда какъ бы, неро-

вень часть, не пришли за нами. Все дѣло даромъ пропадетъ». Самъ-то Сапожковъ усталъ больно или переволновался, что ли, съ непривычки. Прилежъ на кровать передохнуть, да и заснулъ, какъ убитый. Сумку я тамъ же на полъ бросилъ, деньги за пазуху засунул и полетѣлъ. На явкѣ, оказалось, председатель комитета Петръ Порфирьевичъ дожидался. «Ну что, — спрашиваетъ, — все благополучно?». Я смѣюсь только: «Получайте счетомъ!» — «Никто не раненъ?» — «Нѣтъ, все хорошо обошлось.» — «Ай да молодцы-ребята!» Отдалъ я деньги и назадъ полетѣлъ на ту квартиру, гдѣ Сапожкова оставилъ... Совсѣмъ случайно только по противоположной сторонѣ улицы шель. И уже хотѣлъ черезъ улицу переходить, — глядь: въ нашей конспиративной квартирѣ въ окнѣ стекла выбиты. Догадался я, что тутъ что-то неладно. Скорехонько мимо прошелъ. Кое-какъ на окраинѣ у одного пріятеля переночевалъ, а на утро узналъ: такъ и есть! арестованъ Сапожковъ. Оказалось, и не слыхалъ онъ со сна, какъ полиція въ квартиру зашла. Успѣлъ только окно разбить: думалъ выпрыгнуть на улицу, да схватили его. И Никитенка съ товарищемъ въ тотъ же день на другомъ концѣ города схватили. Они отпоръ давали, отстрѣливались. Того товарища застрѣлили, а Никитенку всѣ заряды разстрѣляли и сдали.

«Теперь для насъ ясно, что въ комитетѣ у насъ про-вокація была, и квартиры полиція заранѣе знала. А тогда мы думали, что съ мѣста нападенія насъ выслѣдили. Ну, изъ участниковъ я одинъ на волѣ остался. Изъ комитета мнѣ 100 рублей дали, чтобы я уѣхалъ куда-нибудь изъ города на мѣсяцъ или на два, пока поиски не-много затихнутъ. Я уѣхалъ. Пробѣздивъ не больше трехъ недѣль, вернулся. Только вернулся, черезъ нѣсколько дней мнѣ одна дѣвица партійная отъ Сапожкова изъ тюрьмы записку передала. Оказывается, они тамъ

побѣгъ готовить. Дѣло вѣрное. Рѣшетка на половину взята (часть надрѣза они оставили, чтобы при выстукивании на повѣркѣ она къ чорту не вылетѣла). Нужно ночью во дворъ спуститься. Часовой пропустить берется. А стѣна невысокая: съ помощью кошки перелѣзть — разъ плюнуть. Требуется, значить, недалеко отъ тюрьмы лошадей и платье запасти, квартиру подыскать, паспортъ для отѣзда приготовить. Да еще нужно 500 руб. передать тому человѣку, который все дѣло устроить берется. Я, разумѣется, сразу за дѣло принялся. Платье раздобылъ, кучера подыскалъ къ лошадямъ, нашель квартиру подходящую, паспортъ, пару маузеровъ, на всякій случай. Однимъ словомъ, задержка только за деньгами осталась. Лошадей и телѣжку покупать приходится, — на это рублей 200 нужно, да 500 руб. въ тюрьму тому человѣку, да 300 руб. про запасъ да на отѣздъ. Всего, значить, нужно намъ 1000 руб. достать. Обратился я въ комитетъ. Меня на явкѣ секретарша приняла:

— «Вамъ, спрашиваетъ, товарищъ, нужно что-нибудь?»

— «Да, говорю, деньги нужны до зарѣзу.

— «Вѣдь вамъ недавно 100 рублей выдали?»

— «То на меня лично. Изъ тѣхъ у меня еще осталось. А теперь нужно на товарища. Освободить изъ тюрьмы нужно нашего парня.

— «Кто это?» — спрашиваетъ.

— «Я сказалъ, кого.

— «А много вамъ денегъ потребуется?»

— «1000 рублей.

— «Вы не шутите, — говорить, — серьезно, сколько вамъ нужно? 15, 20 или сколько?»

— «Я сказалъ, сколько. — Какія здѣсь шутки! И нужно сегодня же.

— «Ну-у, говорить, такихъ денегъ у насъ не водится.

— «Какъ не водится, чортъ васъ дери, когда мы же съ товарищемъ вамъ всего въ прошломъ мѣсяцѣ 12.400 р. передали!

«Замялась она.

— «Заходите, говорить, черезъ 3 дня. Я передамъ ваше заявленіе въ комитетъ. Какъ тамъ рѣшатъ...

«Хотѣлъ я ей сказать, что такъ изъ казенныхъ канцелярій просителей выставляютъ, да удержался. Пришелъ въ назначенный день. На этотъ разъ меня самъ генералъ нашъ принялъ, Петръ Порфирычъ.

— «Комитетъ, говорить, рассмотрѣлъ ваше заявленіе, но удовлетворить его, къ сожалѣнію, не можетъ. Если хотите въ тюрьму рублей 10 передать, столько можно будетъ изъ Краснаго Креста достать.

«Я такъ взбѣсился отъ этого издѣвательства, что еле-еле могъ сдержаться.

«Что вы мнѣ голову морочите, будто у васъ денегъ нѣтъ? спрашиваю: куда же тѣ 12.400 руб. у васъ дѣлись? А?»

— «Вамъ, какъ боевику, никакихъ отчетовъ комитетъ давать не обязанъ. Но какъ партійному товарищу и члену организаціи, я могу вамъ сообщить, что изъ той суммы на нужды нашей мѣстной организаціи не пошло ни копейки. Дѣло было сдѣлано по предложенію областного комитета. Туда же, въ областной комитетъ и деньги переданы на постановку техники и проч. организаціонные расходы. Поняли? Больше намъ говорить, надѣюсь, не о чемъ.

«И встаетъ: можешь, молъ, проваливать. Тутъ я уже сдержаться не могъ.

— «Вы, говорю, товарища на дѣло посылали. Теперь его, можетъ быть, висѣлица ждетъ... Вы и на висѣлицу его посылаете, потому что вамъ на рабочаго

боевика денег жаль. Должны вы достать денег! Пока не достанете, не уйду я отсюда.

«Петръ Порфирьичъ на меня:

— «Прошу васъ не кричать здѣсь! Вы своимъ крикомъ явку можете провалить. Сказалъ я вамъ, намъ больше не о чемъ разговаривать! Нѣтъ денегъ и достать негдѣ.

— «Негдѣ достать? А это чья квартира?

— «Не ваше дѣло!

«А квартира явочная самая буржуазная была. Портъеры шелковыя, бронзовая люстра посреди комнаты, на полу коверъ, каминъ какой-то рѣзной весь, мраморный, зеркала, картины. Однимъ словомъ, обстановка самая что ни на есть буржуйская. Я и говорю.

— «Мое дѣло, чья квартира! Вотъ, вотъ, какъ ваша буржуазія живетъ! Можете вы хоть у этихъ же буржуевъ нѣсколько сотенъ достать, когда отъ этого жизнь человѣка зависитъ!

— «Успокойтесь, — генералъ нашъ говорить, — давайте толкомъ, безъ шума разсуждать...

«Ну, мнѣ не до разсужденій тогда было. Я и говорю:

— «Чего тамъ разсуждать? Я знаю, что мнѣ теперь дѣлать. Коли вашъ комитетъ денегъ давать не желаетъ, я и самъ достать сумѣю, какъ въ тотъ разъ досталъ.

— «Что, это вы экспроприацию замысляете? Помните, что безъ разрѣшенія комитета...

— «Мнѣ разрѣшенія некогда спрашивать!

— «Вы все-таки обязаны доложить комитету, гдѣ и какъ...

— «Да вотъ здѣсь же, говорю, у буржуя-хозяина этой квартиры.

«И браунингъ изъ-за пояса вытащилъ. Я, собственно, и не думалъ тогда сразу эксъ устраивать. Хотѣлъ только

генерала нашего пугнуть. А онъ въ серьезъ принять. Поблѣднѣлъ весь и тоже револьверъ вытаскиваетъ.

— «Вы, говорить, съ ума сошли. Вы — не социалистъ, а хулиганъ.

«Словомъ, чуть-чуть мы другъ друга не пострѣляли тамъ. Вышелъ я отъ него, какъ оплеванный. А на другой день меня арестовали»...

Все, что разсказывалъ Киселевъ, было мнѣ извѣстно. Я уже встрѣчался и раньше съ этимъ типомъ боевиковъ, и съ своеобразной логикой, въ силу которой мой собесѣдникъ, объясняя свое отрицательное отношеніе къ партіи, пустился разсказывать про свое столкновеніе съ какимъ-то Петромъ Порфирьичемъ.

Но Киселевъ все же интересовалъ меня, и я спросилъ его:

— Неужто вы порвали съ партіей изъ-за этого столкновенія съ Петромъ Порфирьичемъ?

— Нѣтъ. Только послѣ этого случая, когда я черезъ партійныхъ бюрократовъ въ тюрьму попалъ и чуть на висѣлицу не угодилъ, я сталъ болѣе самостоятельно думать. Раньше, на волѣ, слишкомъ я уже довѣрялъ имъ, слишкомъ легко подъ интеллигентскую дудку плясалъ. Въ тюрьмѣ я только понимать началъ, что собой наши партіи съ генералами-интеллигентами представляютъ... Я про тотъ случай еще не кончилъ. Вѣдь въ тюрьмѣ я узналъ, что самъ-то Петръ Порфирьичъ роднымъ племянникомъ приходится тому буржую, у котораго тогда явка была! Потому онъ такъ за него и вступился. Застрѣлить вѣдь хотѣлъ меня! Хулиганомъ, подлецомъ, называлъ! Самъ — буржуй и защитникъ буржуазіи, а рабочихъ за собой велъ... Не диво же, что они рабочихъ отъ экономическаго террора удерживали! Если чиновниковъ бьютъ, это имъ ничего, еще даже выгодно. А когда начнутъ буржуазію щелкать, ихъ же родственникамъ да

имъ же самимъ на орѣхи попадетъ. Это имъ и не нравится. Теперь мы ихъ раскусили.

— Неужели вы можете серьезно говорить подобныя вещи!

— А неужели вы серьезно за этихъ мерзавцевъ заступаться будете? Гдѣ они теперь, наши руководители? На волѣ гуляютъ, по заграницамъ разъѣхались, университеты кончаютъ... А кто изъ нихъ о насъ подумалъ? Кто изъ нихъ подумалъ о тѣхъ людяхъ, которые изъ-за нихъ на каторгу да на висѣлицу пошли? Помню я, какъ въ 5-мъ году, когда возстаніе началось, отъ «пролитія крови» насъ удерживали. У насъ на станціи тогда рѣшили было жандарма убить. Студентъ-ораторъ партійный отговорилъ толпу. «Зачѣмъ убивать? Не должны мы у враговъ бессмысленной жестокости учиться! Лучше разоружить его и слово съ него взять, что не будетъ онъ впредь врагамъ народа служить!». Ну, и пошелъ дуракамъ баки заколачивать¹). А наши парни его послушали, такъ и сдѣлали. Ну, а потомъ этотъ же жандармъ на судѣ 3 парней опозналъ, которые у него шашку да револьверъ брали! Всѣхъ троихъ къ висѣлицѣ по этому самому опознанію приговорили. Двоимъ по малолѣтству на вѣчную каторгу замѣнили, а третьяго вздернули. А если бы не этотъ студентъ-руководитель партійный, если бы жандарма ухлопали тогда, кто узналъ бы виновниковъ? Значитъ, черезъ него три человѣка погибли. Да что тамъ говорить? Сколько ни видалъ я, все такъ: гдѣ сами рабочіе дѣлаютъ, хорошо выходитъ; куда партія со своимъ руководствомъ суется, всюду плохо. И не для руководителей плохо, а для тѣхъ, кто по дурости своей за ними пошелъ...

Предвзятость сужденій Киселева была настолько оче-

¹ „Баки заколачивать“ — уговаривать, опугивать словами.

видна, что спорить съ нимъ, пытаться переубѣдить его было бы бесполезно. И я ничего не возражалъ ему, ожидая, когда перейдетъ онъ къ изображенію своей политической программы. Но неожиданно мысль его уклонилась въ другую сторону.

— Не только въ Россіи эта подлость происходитъ, — замѣтилъ онъ, — за границей тоже не лучше. Кто во главѣ нѣмецкой социаль-демократіи стоитъ? Кто на всѣхъ международныхъ социалистическихъ конгрессахъ председательствуетъ? Милліонеръ-заводчикъ, эксплоататоръ десятковъ тысячъ рабочихъ!

Я изумился:

— Это вы откуда взяли?

— Какъ откуда? Не Зингеръ на вашихъ съѣздахъ председательствуетъ?

— Зингеръ! Да какой же онъ «милліонеръ-заводчикъ»? У него никакого завода нѣтъ.

Киселевъ укоризненно покачалъ головой, повидимому удивляясь тому безстыдству, съ какимъ я отрицаю общеизвѣстные факты.

— А не Зингеръ на всю Европу швейныя машины поставляетъ?

— Такъ это два совершенно различныхъ Зингера! Одинъ Зингеръ на съѣздахъ председательствуетъ, а другой швейныя машины изготовляетъ! Вы спутали, товарищъ.

— Нѣтъ, раньше меня путали. А теперь-то я ничего не путаю. И другіе меня тоже теперь не опутаютъ. Теперь я подлость нашихъ партій знаю и руководить собой никому больше не дамъ.

Когда Киселевъ дошелъ до изложенія своей политической программы, оказалось, что онъ считаетъ себя, несомнѣнно, болѣе «лѣвымъ», чѣмъ с.-р. Такъ, напримеръ, въ отличіе отъ с.-р.-овъ, онъ признавалъ самое ши-

рокое примѣненіе экономическаго террора, признавалъ экспроприаціи не только казенныя, но и частныя, считалъ излишними всѣ тѣ «бюрократическія формальности», которыя у с.-р.-овъ ограничиваютъ возможность боевыхъ актовъ и нападеній. А главное, вся борьба съ правительствомъ и съ буржуазіей рисовалась ему еще болѣе индивидуалистической, чѣмъ изображали ее «полѣвѣвшіе» с.-д., Акимъ Григорьевичъ и Сеня.

Мышленіе Киселева, основанія его выхода изъ партіи, его аргументація, его положительная программа, все это было чрезвычайно типично для всѣхъ «полѣвѣвшихъ» с.-р.-овъ. У всѣхъ ихъ мнѣ приходилось наблюдать это недовѣріе къ интеллигенціи, эту ненависть къ партіи и партійнымъ руководителямъ. И повсюду это переживание старыхъ обидъ, пристрастные выводы изъ старыхъ личныхъ столкновеній, подозрительность и выискиванье виновниковъ каждой старой неудачи, при чемъ виновниками всегда оказывались руководители.

Во многихъ отношеніяхъ «полѣвѣвшіе» с.-р. стояли близко къ анархистамъ южно-русскаго типа. Политическій терроръ, экономическій терроръ, аграрный терроръ, тюремный терроръ; мелкія и крупныя, частныя и казенныя экспроприаціи; браунинги, маузеры, парабеллумы, ноганы; бомбы, адскія машины, мины, — таковы были основныя понятія, которыми оперировала мысль тѣхъ и другихъ. А еще болѣе сближала «полѣвѣвшихъ» с.-р.-овъ съ анархистами ихъ ненависть къ Государственной Думѣ и къ парламентаризму вообще.

Но все же съ анархистами они не сливались. Они продолжали считать себя социалистами, но только внѣпартійными социалистами и, кромѣ того, крайне «лѣвыми» социалистами, болѣе лѣвыми, чѣмъ с.-р.-ы, и, подавно, болѣе «лѣвыми», чѣмъ мирные с.-д.

У бывшихъ с.-д. и с.-р., которыхъ я встрѣчалъ въ тюрьмѣ, «полѣвѣніе» принимало форму разочарованности въ массовой и партійной работѣ, ослабленіе ихъ связей съ общественной средой, съ другими людьми, съ товарищами. Это было, слѣдовательно, развитіе въ сторону крайняго индивидуализма. Но тотъ смутный анархизмъ, къ которому приходили полѣвѣвшіе с.-р., все же не представлялъ собою послѣдней, крайней ступени «полѣвѣнія». Съ этой ступени можно было еще и еще эволюционировать «влѣво». Гдѣ началось разложеніе, тамъ оно не остановится на какой-либо точкѣ, но будетъ идти до конца. Концомъ тюремнаго индивидуалистическаго «полѣвѣнія» былъ не смутный анархизмъ бывшихъ с.-д. и с.-р., а нѣчто совершенно своеобразное, особый *хулиганскій индивидуализмъ*, означавшій уже не упадничество, а моральную смерть.

Къ этому хулиганскому индивидуализму въ конечномъ результатѣ «полѣвѣнія» приходили иногда и бывшіе с.-д., и с.-р. Но легче всего и быстрѣе всего доходили до этой точки бывшіе анархисты.

Признаннымъ главой «полѣвѣвшихъ» анархистовъ въ этой камерѣ былъ товарищъ Самуиль, долгоязыый, невзрачный юноша съ довольно скуднымъ запасомъ знаній, но самоувѣренный и своеобразно краснорѣчивый. По своему социальному положенію, онъ принадлежалъ на волѣ къ довольно распространенному на югѣ Россіи типу «вѣчныхъ экстерновъ». Жилъ то грошовыми уроками, то перепиской, то случайной конторской работой, брался за всевозможные ремесла и бился, какъ рыба объ ледъ, настойчиво стремясь къ своей цѣли — сдать экзаменъ на аттестатъ зрѣлости. Самуиль былъ неутомимымъ спорщикомъ, никогда не лазилъ за словомъ въ карманъ и осыпалъ своего противника въ спорѣ такимъ градомъ неожиданныхъ аргументовъ, возраженій и вопросовъ, что

тотъ невольно терялъ голову. Самого же Самуила сбить съ занятой имъ позиціи бывало довольно трудно, такъ какъ онъ всегда готовъ былъ отстаивать любой парадоксъ, если онъ имѣлъ видъ индивидуализма.

Постояннымъ противникомъ Самуила въ спорахъ выступалъ студентъ анархистъ Ефимъ. Онъ былъ умнѣе и образованнѣе Самуила, но спорилъ плохо, легко терялся, такъ что у сторонниковъ Самуила неизмѣнно оставалось впечатлѣніе победы надъ старымъ анархизмомъ. Я рѣдко принималъ участіе въ этихъ спорахъ, предпочитая роль сторонняго наблюдателя.

Споръ между ними чаще всего начинался съ вопроса о сущности анархизма и о границѣ между анархистами и буржуазными социалистами-государственниками (с.-д. и с.-р.).

— Для меня вы, анархисты-коммунисты, ничуть не лучше, чѣмъ какіе-нибудь с.-д. или с.-р., — горячо и язвительно говорилъ Самуилъ, — чѣмъ вы, въ самомъ дѣлѣ, отъ нихъ отличаетесь? Тѣмъ, что вы въ Государственную Думу не пошли? Такъ вѣдь въ третью Думу и с.-р. не пошли! Первую Думу и с.-д. бойкотировали! Вы вѣдь ихъ анархистами не считаете за это? А въ остальномъ вы тѣ же мѣщане, тѣ же государственники, что и социалисты, — только въ маскѣ.

— Это инсинуація! — съ возмущеніемъ возражалъ Ефимъ, — вы должны доказать, а не бросаться словами...

— «Инсинуація», «бросаться словами», вы говорите? Извольте, я докажу. Я могу привести тысячу доказательствъ того, что въ вашихъ группахъ нѣтъ ничего общаго съ анархизмомъ, что вы мѣщане и рабы мѣщанскаго общества...

— Ну, докажите, докажите! Что вы докажете, когда

вы понятія не имѣете объ анархизмѣ и анархическихъ группахъ!

— Объ этомъ не намъ судить, кто лучше анархизмъ понимаетъ. А я вотъ о чемъ васъ спрошу: въ чемъ сущность анархизма, по-вашему? Въ свободѣ личности? Да?

— Ну, конечно!

— То есть въ полномъ освобожденіи человѣческой личности отъ всякихъ путъ, отъ всякихъ цѣпей? Такъ?

— Да... Но къ чему вы это приводите?

— А вотъ увидите сейчасъ. Значитъ, истинный анархистъ долженъ быть не рабомъ, а свободнымъ человекомъ, не долженъ терпѣть надъ собой ничьей воли, ничьего закона. Я мыслю, какъ хочу, не подчиняясь ничьимъ предписаніямъ, ничьимъ велѣніямъ. Такъ же и говорю, что хочу и какъ хочу. Никакихъ цѣпей, никакихъ ограниченій! Какой я, къ чорту, анархистъ, если даже въ области мысли и слова я не умѣю быть свободнымъ и самъ налагаю на себя новыя цѣпи?

— Вы бы короче, короче, товарищъ: это всѣ знаютъ, — нетерпѣливо замѣчаетъ Ефимъ.

— Всѣ знаютъ? Тѣмъ лучше! Только это напоминать анархистамъ-коммунистамъ почаше слѣдуетъ. Такъ какъ же вы умудряетесь считать себя анархистами и въ то же время связывать себя программой и организаціей! Вѣдь вы, въ концѣ концовъ, такъ же, какъ с.-д., по программѣ думаете!

— Это неправда! У насъ никакой программы нѣтъ, и вамъ это отлично извѣстно.

— Программы у васъ нѣтъ? А вашъ «Буревѣстникъ», на который вы молитесь, какъ с.-д. на Маркса?

— Опять неправда! «Буревѣстникъ» не программа, а журналъ. Его статьи ни для кого не обязательны. Анархистъ можетъ съ ними соглашаться или не соглашаться. Это частное дѣло cadaго!

— Какъ же! Кто соглашается, тотъ для васъ а.-к. А кто не соглашается, того вы изъ организаціи, какъ зачумленную крысу, выкидываете. Вы скажете, что и ваши группы не организація, не то же самое, что у социалистовъ ихъ комитеты? Ваши предсѣдатели, представители да секретари не чиновники? не новыя власти? Ваши заграничныя типографіи и здѣшнія подпольныя техники съ наемными профессионалами, которыхъ вы эксплуатируете, не тѣ же лавочки, что у буржуазіи? Чѣмъ вы здѣсь отъ социалистовъ отличаетесь? Словами, одними словами! Вы себѣ на каждомъ шагѣ измѣняете, а анархистъ всегда долженъ быть вѣренъ себѣ. Если я анархистъ, то я только со своей волей считаюсь. Здѣсь для меня начало и конецъ всего. Своему «я» я никогда измѣнить не могу!..

— Вы, товарищъ, «анархизмъ» съ «индивидуализмомъ», путаете. А это не одно и то же.

— Нѣтъ, вы путаете, потому что вы такіе анархисты, какъ я архіерей...

— Съ вами говорить трудно. Вы вотъ о властяхъ и чиновникахъ въ нашихъ группахъ говорите...

— Нѣтъ, погодите! Я говорю, что вы ни въ чемъ не можете вѣрны самимъ себѣ оставаться. Вѣдь вы, анархисты-коммунисты, и жениться безъ попа не можете! Сколько примѣровъ я видѣлъ! Хочетъ анархистъ жениться, — идетъ съ невѣстой въ церковь къ попу подь благословеніе. Ребенокъ родится, — опять попа зовутъ крестить. Это — анархистъ!

— Вы теперь единичныя явленія обобщаете. Компромиссы, конечно, вы повсюду въ жизни встрѣтите. Церковь для насъ, разумѣется, не существуетъ. Если мужчина и женщина полюбили другъ друга и хотятъ жить вмѣстѣ...

— «Другъ друга»? Вы сказали: «хотятъ жить вмѣ-

стѣ»... А если не «другъ друга», а такъ: я, напримѣръ, полюбилъ дѣвушку?... Тогда какъ, по-вашему, анархистъ поступить долженъ?

— Вы меня перебили. Я хотѣлъ сказать: если...

— Нѣтъ, вы скажите, что, по-вашему, долженъ сдѣлать анархистъ, если онъ полюбилъ женщину и хочетъ обладать ею?

— При чемъ тутъ анархизмъ, я не понимаю!

— Я спрашиваю васъ, какъ вы, свободный человѣкъ, порвавшій всѣ свои цѣпи, именующій себя анархистомъ, поступили бы въ подобномъ случаѣ?

— Какъ я, лично, поступилъ бы?

— Ну, да!

— Обратился бы къ ней... Сказалъ бы...

— А если бы она отказала вамъ?

— Что же? Тогда подумалъ бы, какъ быть... Вѣрнѣе, всего, другую нашелъ бы... Но не понимаю, къ чему вы на этотъ вопросъ перескочили?

— Вотъ вашъ анархизмъ! Вотъ, что вы анархизмомъ называете! Вѣдь такъ же, какъ вы, и любой мѣщанинъ поступилъ бы, любой честный, благонамѣренный мѣщанинъ!

— А вы иначе поступили бы?

— Я, какъ анархистъ, повинуюсь лишь своей волѣ, лишь своему желанію! И только. Свое я возьму, ни съ чѣмъ и ни съ кѣмъ въ мірѣ не считаясь.

— Позвольте, позвольте! По-вашему, значитъ, анархистъ имѣетъ право изнасиловать понравившуюся ему женщину?

— Что вы меня стараетесь словами запутать? Я словъ не боюсь. Что значитъ изнасиловать? Я просто дѣлаю, что хочу! А «право»? «Имѣю право», «не имѣю права» для анархиста не существуетъ! «Право» мѣщанами создано и мѣщанъ только пугаетъ. «Право» суще-